

*О.П. Власова
Днепропетровский национальный
университет железнодорожного
транспорта имени академика В. Лазаряна
кафедра философии и социологии
Украина*

СТЕРЕОТИП «НЕЗАМЕТНОЙ ЖЕНЩИНЫ» В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ УКРАИНЫ

В статье анализируются социокультурные аспекты темы «женщина и политика» в полифоническом культурном дискурсе современной Украины.

Ключевые слова: *политическое партнерство, стереотипные представления, женщина и власть, национальные нарративы, политические мифы, европейские ценности.*

У статті аналізуються соціокультурні аспекти теми «жінка і політика» в поліфонічному культурному дискурсі сучасної України.

Ключові слова: *політичне партнерство, стереотипні уявлення, жінка і влада, національні нарративи, політичні міфи, європейські цінності.*

The socio-cultural aspects of the theme «woman and politics» are under the analysis with the focus on the polyphonic cultural discourse of today's Ukraine.

Key words: *political partnership, stereotypes, woman and power, national narratives, political myths, European values.*

За последние годы многие исследователи гендера и теоретики феминизма не раз пытались противостоять господствующим гендерным стереотипам и оспорить их валидность [1]. Зачастую ученые также отмечали возникновение новых стереотипов, например, в исследовании темы «женщины и политика» [2]. Как утверждается, одной из основных задач, стоявших в 90-е годы перед работами, посвященными анализу гендера в культуре и политике, была

необходимость бросить вызов почти полной незаметности женщин в эмпирическом каноне философской и политической науки.

Исследователи темы «женщины и политика» пытались сделать заметными не только отдельных женщин, но и представить их как организованную политическую силу (Дж. Киркпатрик, Р. Клатч, Дж. Фриман и др.). В то же время нельзя не отметить, что и в начале III тысячелетия общественное сознание в нашей стране еще с трудом воспринимает идею политического партнерства мужчин и женщин: вопрос о подлинном равенстве полов в Украине все еще остается открытым. Женщины Украины традиционно слабо представлены в законодательных органах, в целом, занимают крайне слабые позиции в общественно-политической сфере, например, правительство изначально считается у нас мужской вотчиной. Стереотипный портрет женщин представляет их аполитичными или политически неполноценными. Считается, что их политическая эффективность низка, а их система убеждений лишена концептуальной аргументации. В стереотипном представлении женщины «персонализируют» политику, обращая больше внимание на личности, чем на обсуждаемые вопросы. Утверждается, что они реже мужчин участвуют в выборах, а если голосуют, то склонны полагаться на мужей и голосовать, как они. В своих работах ученые-феминисты показали, что такой политический портрет женщин базируется на исследованиях, изобилующих непроверенными предположениями и методологическими ошибками [3]. В то же время анализ политического участия женщин выявил безусловное влияние образования на политическую активность женщин. Выяснилось также, что работающие вне дома женщины активны в той же мере, что и мужчины. Те же женщины, кто полностью заняты домашней работой, участвуют в политике в значительно меньшей степени [4]. Но разве не относится все вышеупомянутое в равной мере к мужчинам?

Подвергая женщин и их опыт политическому анализу, ученые утверждают, что проблема в противопоставлении публичной и частной сфер жизни, проблема в знакомом всем образе «общественного» мужчины и

«домашней» женщины. В то же время история стран, избравших своими лидерами женщин, свидетельствует, что благодаря их правлению удалось добиться огромных успехов и избежать многих несчастий и политических катастроф. Как известно, долгие десятилетия успешно правили Великобританией такие женщины, как Елизавета I (45 лет), королева Виктория (64 года); Россией – Екатерина Великая (34 года), Елизавета Петровна (20 лет), Анна Иоановна (10 лет); Францией – Екатерина Медичи (20 лет), Анна Австрийская (18 лет) и т.д.

В то же время интересно отметить, что ни эти великие правительницы, ни современные женщины – главы государств не были «феминистами» и не являются ими. Интересным примером может быть Маргарет Тэтчер, пятнадцать лет пребывавшая на посту лидера консервативной партии и одиннадцать лет – на посту премьер-министра Великобритании. Следует вспомнить, что к власти она пришла на подъеме женского движения во всем мире в 70-х годах прошлого века. Нарушив вековую мужскую гегемонию партийного лидерства, в год, объявленный ООН Годом женщины и началом Десятилетием женщины, консерваторы показали, что они не чуждаются «ветра перемен». В то же время, как и многие другие видные государственные деятели, М. Тэтчер никогда не была членом женской организации. С самого начала Тэтчер строила свою карьеру, подчиняясь всем правилам общей политической игры. Она, как известно, очень гордилась тем, что пришла на высший пост в правительстве, соперничая с мужчинами на равных. Феминистки критиковали её за то, что за 11 лет своего пребывания у власти она не предприняла ничего специфического в интересах женщин, лишь однажды на протяжении короткого времени женщина была членом её кабинета [5, с. 234]. Безусловно, одиннадцатилетнее пребывание М. Тэтчер на посту премьер-министра было выдающимся событием, повлиявшим на отношение британцев к проблеме «женщина и власть». Однако оно не сопровождалось существенными переменами в глубоко укоренившейся патриархатной культуре «самой консервативной» партии, которую Тэтчер возглавляла.

Все вышесказанное относится к нашим недавним политическим событиям в полной мере, недаром Ю. В. Тимошенко называют «Леди Ю.», – аналогии с «железной леди» не подлежат сомнению. Ю. В. Тимошенко никоим образом не способствовала повышению активности женщин в партии «Батьківщина», никак не повлияла на парламентское представительство женщин или на их участие в работе Кабинета министров, который она возглавляла.

Как известно, парламентское представительство женщин в нашей стране остается стабильно низким. Проблема в том, что содержание и форма реальных прав и возможностей женщин зависит прежде всего от общих социально-экономических условий, уровня имеющихся материальных благ, доходов женщин, финансового положения их семей, то есть положение женщин в политике зависит напрямую от их положения в мире финансов. Законодательное закрепление равноправия женщин, имеющее место в нашей стране, произошло в результате общих либеральных тенденций западных демократий, оно было «дано сверху», причем, дано формально, а не являлось результатом практической активности общественных организаций или политических партий. Исследователи подчеркивают: для дальнейшего развития демократии требуется постоянное внимание и давление общественного мнения на государственные органы, политические партии, профсоюзы и другие общественные организации, что в наших условиях, как известно, оставляет желать лучшего.

Более того, формальная гендерная демократия в русле евроинтеграционных процессов с первых же лет независимой Украины идет в противовес с теми тенденциями, которые так или иначе проявляются в идеологии и политике. Например, О. Кись в своих работах указывает на четыре основные нарративы, господствующие в современной украинской культуре: нарративы о Берегине, о Великой Женщине, о Национальном Феминизме, о Женской Доле [6].

В контексте данной статьи интересно отметить, что концепт Берегини возник в украинском культурном дискурсе в конце 80-х – начале 90-х годов на подъеме национализма, отражая идею «непреходящего матриархатного характера гендерных отношений в традиционной украинской семье» [6, с. 157]. Но важно то, что, возникнув как часть новой национальной мифологии, концепт Берегини очень скоро превратился в составляющую официального украинского государственного дискурса. Как справедливо отмечают многие аналитики гендера, этот нарратив не только был «запущен в оборот» с патриархатной идеологической нагрузкой. Циркулируя в риторике политических деятелей, он способствовал легитимации многих псевдонаучных представлений о гендерных отношениях в украинском обществе. Рассуждая о гендерной проблематике, многие украинские политики выстраивают свои аргументы по типичной схеме с основным тезисом о том, что статус женщины в семье является основным показателем «прогрессивности общества».

Следует заметить, что создание и продвижение политических мифов в последнее время становится одним из наиболее эффективных каналов конструирования различных социальных идей. В определенной степени «Леди Ю.» – это тоже миф, главным пафосом которого является утверждение об особости и неповторимости украинского экс-премьера. Возвращаясь к созданию новых дискурсов в начале 90-х годов, хотелось бы напомнить, что в то время и в Украине, и в России многие акторы настойчиво апеллировали к традиционным гендерным ценностям (церковь, прежде всего). Как известно, противостояние разнонаправленных гендерных дискурсов поставило власть перед необходимостью выбора одного из них. Выбор, как уже отмечалось, был сделан в логике «европейских ценностей», полагающей гендерное равноправие в качестве обязательного условия успешного функционирования современной демократии.

Но действительного построения нового гендерного порядка не произошло. Политико-правовые институты, доставшиеся от позднесоветской системы и созданные в постсоветский период, гендерно чувствительными не

являются. В западных странах, где проводится *de facto* государственная политика равных возможностей, где мужчины и женщины получают равный доступ к политическим ресурсам, проблема «гендерного разрыва» либо утрачивает актуальность, либо получает иной смысл (на примере стран Скандинавии). В нашей стране женщина в политике по-прежнему «незаметна», находясь во втором (или в третьем) эшелоне политических фигур. Таким образом, по-прежнему остается актуальным призыв либерального феминизма к бюрократическому аппарату государства и корпоративных структур интегрировать женщин в общественную сферу через программы, требующие равных возможностей и позитивных действий, то есть это надежды на государство, на власть. И хотя многие признанные западные теоретики феминизма доказывают, что образ автономного индивида – это мужская конструкция и женщина всегда была ограничена в свободе своим подчинением мужчине, экономической зависимостью от него [7], многие политологи гендерного направления считают, что присутствие женщин на официальной политической арене необходимо. Парадокс в том, что они должны выйти на эту арену, чтобы добиться равенства, но они не смогут быть активными акторами на этой арене, не добившись равенства. Именно здесь необходима помощь государства: нужно бросить вызов почти полной незаметности женщин в украинском политическом дискурсе, показывая присутствие женщин среди официальных должностных лиц и активистов женских движений. Официальный дискурс должен показать, что женщина-политик существует (и здесь не имеется в виду единственная «мифическая женщина»). Украинские женщины в такой же степени, как и мужчины, склонны к политической деятельности, и хотя женское движение явно «пробуксовывает» на пути к гендерному равенству в политических институтах, очевидно, что другого пути нет, – необходимы коллективные усилия женщин, направленные на то, чтобы оказывать влияние как на процесс «принятия решений», в целом, так и на процесс формирования украинской политики.

1. Власова Т. И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии. – К.: Генеза, 2006. – 286 с.
2. Carroll S. Zerelli L. Feminist Challenge to Political Science // Political Science: the State of the Discipline: – Washington DC: American Political Science Association, 1993. – P 55-76.
3. Bourque S. Grosshaltz J. Politics as Unnatural Practice: Political Science Looks at Female Participation // Politics and Society.– 1974. – № 4. – P. 225-266.
4. Andersen K. Working Women and Political Participation. 1952-1972. // American Journal of Political Science. – 1975. – №19 – P. 439-453.
5. Степанова Н. М. Культура гендерных отношений в политических партиях и в парламенте Великобритании // Гендерная реконструкция политических систем. – СПб.: Алетейя, 2004. – 992 с.
6. Кись О. Р. Проблемы (ре)конструкции истории женщин в Украине: акторы, авторы, нарративы // Гендерное равноправие в России. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 155-162.
7. Pateman C. Contract and Ideology: A Reply to Coole // Politics. – №10. – 1980. – P. 30-32.